

ПАВЕЛ ЧУК

Первый среди равных.

Служа Империи

Первый среди равных

Павел Чук

**Первый среди равных.
Служа Империи**

«Автор»

2022

Чук П.

Первый среди равных. Служа Империи / П. Чук — «Автор»,
2022 — (Первый среди равных)

По приказу только что взошедшей на престол Императрицы Валентин убывает на фронт. Тайные переговоры предшественницы поставили Империю в тяжёлое положение и ничего не остаётся, как успешно провести летнюю военную кампанию. В оформлении обложки использована работа, находящаяся в общественном достоянии русского художника 19 века А.Д. Кившенко. "Вступление русских и союзных войск в Париж". 1880.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Павел Чук

Первый среди равных. Служа Империи

Глава 1

Покинул столицу на рассвете. Дорога предстояла долгая. Сначала планировал отправиться на юг Империи, где собирались силы союзников сенарцев, но трезво оценив обстановку выбрал северо-западное направление. Прийти к такому выводу помог опыт жизни на Земле.

Странно. Какой год волей судьбы нахожусь на другой планете, а так и не покидает чувство, что меня закинуло в прошлое или параллельный мир. Читал о таких попаданцах и никогда не думал, что окажусь на их месте. Ведь это фантастика, но параллели в историческом развитии проглядывались чётко. Хотя имелось и кардинальное различие – отсутствие религии как таковой. Размышляя на досуге, изучая исторические сведения пришёл к выводу, что именно эта особенность и повлияла на различия в развитии естествознаний. Слишком быстро цивилизация достигла тех высот развития, на что земной понадобилось более девяти тысяч лет.

По здешним представлениям цивилизация образовалась примерно шесть тысяч лет назад, если перевести на привычные к земным мерам исчисления и подвести к единому знаменателю календари всех стран и Империй, независимо от их расположения. Именно данный факт поставил меня в тупик, но разобрался. Единый календарь ввели всего-то восемьсот лет назад, когда на планете существовала одно единое государство и на его осколках и возникли современные страны и Империи.

Так, проведя аналогию с событиями Второй Мировой войны, когда Япония до последнего не вступала в войну с Советским Союзом, ожидая чем закончится битва двух гигантов, здраво рассудил, что и союзники сенарцев не станут форсировать события, а дождутся если не капитуляции, то взятия столицы Канторийской Империи, но как я ошибался...

– Господин штабс-полковник, капитан Марсин, как доехали? – осведомился проворно подскочивший к едва остановившейся карете офицер. О том, что добираться по пока ещё размытой весенней распутицей дороге было трудно говорить не стал, ответив:

– Благодарю капитан, нормально.

– Разрешите вас проводить, тут недалеко. Вам выделили отдельный дом. Рядом проживают высшие офицеры... – капитан говорил быстро. Я, едва отойдя от нудной дорожной тряски с трудом понимал о чём говорит офицер, но пройдя несколько метров, размяв затёкшие мышцы, остановился:

– Капитан, где расположен штаб? – прибыли мы вечером, но штаб на то он и штаб, чтобы ни на минуту не прекращать работу.

– Штаб расположен в центральной части города, господин штабс-полковник, – отрапортовал капитан. К счастью или к сожалению, но меня встречали непосредственно у въезда в город с названием: «Выселки», а то неизвестно бы как долго искали куда ехать дальше. Что меня первое при въезде в город удивило, так это отсутствие какой-либо охраны или блокпостов перед въездом. Небольшой пост со шлагбаумом, где и встречал нашу небольшую процессию капитан не в счёт.

– Сначала в штаб. Разместимся потом, – произнёс и заметил некоторое замешательство в мимике офицера. – Что-то не так, капитан?

– Никак нет! – вздёрнулся офицер, – но тогда лучше вернуться к карете и проехать...

– Ничего страшного. Пройдёмся, – ответил, с содроганием вспоминая дорогу. Неделю трястись в подсакивающей на каждой кочке и проваливающейся в каждую яму карете и сейчас вновь садиться в неё было выше моих сил.

Идти оказалось и вправду довольно долго, но за час пешей прогулки не только привёл в норму потерявшие тонус мышцы, но и хорошенько осмотрелся, внимательно слушая рассказ капитана и делая некоторые выводы.

Город оказался достаточно большим. До войны здесь проживало около двадцати тысяч жителей, что немало. В центре Выселок располагались ремесленные и торговые кварталы, а как ни странно жители селились на окраинах. Надо заметить, что такая градация жилых и нежилых территорий была не характерна для Империи. Обычно наоборот. Город рос и расширялся, вытесняя на окраины ремесленные кварталы, но Выселки молодой город, основанный всего несколько сотен лет назад. Из-за этого вокруг него и нет ни оборонительной стены, характерной для старых, переживших не одну осаду городов. Ни естественных природных преград. Город стоял на пересечении торговых дорог, примерно на середине пути с запада на восток границ Империи, что с торгово-экономической точки зрения являлось выгодным расположением и одновременно важной целью. Взяв этот город, противник получал стратегический простор. Ему открывались дорога как на восток к столице Империи, так и на юго-восток Империи с её обширными запасами.

– Пришли, господин штабс-полковник, – указывая на каменное трёхэтажное здание, произнёс капитан. Обратил внимание, что возле входа нет ни поста охраны, ни вывески или штандарта. Самостоятельно ища штаб так бы и прошёл мимо. Может это и к лучшему. Нет демаскирующих признаков, если уж мне трудно найти здание, где собираются высшие офицеры армии, то и врагу в скоплении однотипных строений определить, где располагается штаб окажется затруднительно.

Офицер открыл дверь и пропустил меня вперёд. Зашёл и осмотрелся по сторонам. Большой холл давил своей пустотой. Диссонансом выступал одиноко стоявший возле круто поднимающейся вверх лестницы младший офицер в парадной форме одежды и без оружия.

– А где охрана? – поинтересовался у подошедшего капитана. Отсутствие поста охраны у входа меня удивило, но думал это такой хитрый ход, чтобы ввести в заблуждение неприятеля. Но отсутствие охраны внутри здания меня возмутило. Вряд ли молоденький офицер, тем более без оружия, предпримет что-то действенное, ворвись сюда если не отделение, да хотя бы пара подготовленных, переодетых в трофейную одежду солдат неприятеля.

– Караул выставлен на втором и третьем этажах, – пояснил капитан, – на первом этаже дежурный из числа младшего офицерского состава... Лейтенант! – позвал к себе дежурного офицера капитан.

– Дежурный, лейтенант Красс к вашим услугам, господа офицеры, – вытянувшись по струнке, предстал перед нами лейтенант.

– Доложи командующему о прибытии штабс-полковника Валео Мирони.

– Слушаюсь! – отрапортовал офицер и хотел было бежать выполнять приказание, но я его остановил.

– Лейтенант, отставить! Твои действия при проникновении в здание посторонних лиц?

– Кого, господин штабс-полковник???

– Если сейчас отворятся двери и внутрь ворвутся враги, что будешь делать? – не скрывая раздражения, пояснил впадшему в ступор офицеру.

– Приму бой!!! – не растерялся, ответил молоденький лейтенант.

– И погибнешь... Все погибнут, – последнюю фразу проговорил, поднимаясь вверх по лестнице. За мной торопливым шагом поднимались офицеры.

– Где командующий? – на пролёте второго этажа поинтересовался у караульного.

– Третий этаж.

Быстрым шагом поднимался вверх. Беспечность командования меня бесила. Важный объект и фактически без охраны. Мне десяток моих гвардейцев, и я этот штаб захвачу со всеми документами и генералами в придачу.

– Куда? – бросил на ходу на третьем этаже.

– Левое крыло, – быстро ответил следовавший за мной капитан.

Возле массивной двери постовой из одного солдата. Он бодро взял «на караул», а подскочивший капитан открыл дверь. Как и ожидал, попал не сразу в кабинет командующего, а в просторную приёмную, где за столом сидел офицер в чине штабс-капитана. Увидав кто вошёл внутрь, он быстро подскочил и отрапортовал:

– Господа офицеры, адъютант командующего штабс-генерала Венсáтина, штабс-капитан Монсáти. Чем могу быть полезен?

– У себя?

– Так точно, господа, но командующий занят. Как доложить о вашем прибытии?

– Не надо, я сам, – ответил и направился к двери. Адъютант было хотел преградить путь, но под моим взглядом благоразумно отошёл в сторону, пропуская.

Просторный кабинет встретил полумраком. За большим столом восседал генерал, а окружавшие его офицеры стояли, один из них о чём-то обстоятельно докладывал. Моё появление вызвало недовольство командующего, и он раздражённо бросил:

– Адъютант, кто посмел?! Я же предупредил, меня не беспокоить!!!

– Господин командующий, полномочный представитель Императрицы Линессы Первой – штабс-полковник Мирони! – выскочил из-за спины взволнованный адъютант.

Я коротко кивнул и направился к генералу. Протянул ему пакет с указом о моём назначении. Всё-таки хорошо иметь подкреплённые волей высшего лица государства полномочия.

Генерал быстро пробежался по тексту, отложил конверт в сторону.

– Господа офицеры, представляю вам штабс-полковника Мирони, прибывшего к нам в помощь из столицы Империи, – последнюю фразу генерал произнёс с пренебрежением.

За долгую дорогу я успел ознакомиться с подготовленными по моей просьбе краткими биографиями высших офицеров армии и предполагал реакцию генерала на назначение какого-то придворного выскочки на непонятную должность в армии, где он – потомственный офицер, неоднократно принимавший участие в военных кампаниях, награждённый высшими наградами, неоднократно доказавший своё умение и верность Империи, должен если не подчиняться, то прислушиваться к мнению недавнего солдата и даже не потомственного дворянина, а ставшего им по воле Императрицы, но был удивлён его сдержанности.

– Я ждал вас завтра, – продолжал генерал, знаком давая понять, чтобы посторонние удалились, – как доехали?

– Благодарю. Добрался хорошо, – ответил дежурной фразой, но от меня не скрылась ухмылка на лице генерала. Он уж точно знал, каково это проделать длинный путь по дорогам, когда весна только вступает в свои права. – Если позволите, хотел бы ознакомиться с положением дел.

– Как скажите, к утру сводку для вас подготовят, – хотел отмахнуться от меня офицер, давая понять, что мне здесь делать нечего, а передо мной возникла дилемма: пойти на конфликт с заслуженным генералом или проглотить выказанное недовольство нахождением столичного выскочки в штабе армии.

Выскочкой я себя не считал. Награды, полученные за недолгое время службы заслужены и я, не обращая на тон и с каким выражением лица были сказаны генералом последние фразы подошёл к столу. Стоявшие подле офицеры нехотя расступились.

– Знаете, штабс-генерал. Один из великих людей как-то сказал, что действующие генералы готовятся к прошлой войне.

– Вы смеете обвинять генерала?! – встрял в разговор один из офицеров. К сожалению, мне не представили присутствующих, что было одним из проявлений неуважения.

Я обернулся к говорившему. Немолодой в годах мужчина лет пятидесяти в чине штабс-полковника. Он невысокого роста, коренастый, с залысиной на голове. Будь моложе лет так на двадцать он бы не посмотрел на строжайшее повеление Императрицы о запрете дуэлей и ни секунды не сомневаясь вызвал бы меня на поединок, но годы берут своё...

– Наши действия рассудит история, а высказывания мудрого человека прошли проверку временем, – ответил резко, смотря прямо в глаза оппоненту и не давая тому перехватить инициативу, да что скрывать, боялся, что тот наделает глупостей, а-то было видно в его глазах как закипает злость, немедля продолжил, – в чине лейб-капитана я командовал ротой. Мне поставили задачу пройти по тылам противника и провести ряд диверсий. Думаю, слышали от соседей. Это была моя инициатива, но я не об этом. Мы опоздали. Враг первым прошёлся по нашим тылам и нарушил снабжение. Хорошо, что последствия оказались не такими серьёзными, как следовало ожидать.

– Господин генерал, в общевойсковой сводке об этом имелась информация, я вам докладывал, – на молчаливый вопрос ответил один из офицеров.

– Штабс-полковник, извольте пояснить, к чему это предисловие?

– К тому генерал, что будь у меня даже не рота, а всего лишь взвод гвардейцев с кем я ходил по тылам, то меньше чем за час я бы захватил весь штаб со всей документацией. Мне бы даже уходить не пришлось. Да, мы бы все погибли, но обезглавленная армия противника стоит героической гибели.

– Я не понимаю вас полковник, – во взгляде генерала промелькнула обеспокоенность.

– Как понимаю, штаб обсуждает план весенне-летней кампании, готовит генеральное сражение.

– Совершенно верно, мы...

– Это не вопрос, а констатация фактов. Противник так же готовится, но вопрос к чему? Вы подумали? Зачем ему давать генеральное сражение армии, если он в состоянии одним рывком достичь столицы и окружить её??? Вы давно смотрели на карту? Я только мельком взглянул и понял...

– Что вы поняли, штабс-полковник?! Считаете, что мы тут только штаны просиживаем и ничего не делаем?!

– Генерал, позвольте объяснить, – не дожидаясь позволения, взял из рук одного из офицеров указку и склонился над картой. Сложившаяся ситуация меня не радовала, и я одновременно не понимал, почему опытнейший генералитет не видит нависшую угрозу. Чёткой линии фронта как таковой нет. Отметки о расположении частей на карте выглядят лоскутным одеялом. То там небольшая область занята нашими войсками, то пустующее ничейное место, то скопление расквартированных на зимних квартирах сенарцев. Но что мне сразу бросилось в глаза – это осевое расположение основных, самых боеспособных частей противника. Они словно основная ветвь дерева пронизывало территорию, пуская щупальца-ветки в разные стороны, занимая, подминая под себя соседствующие области. И если продлить воображаемую ось, то она своим лучом упрётся в столицу Империи. Но самое интересное, именно на пути этой воображаемой оси основные дороги, без которых передвижение пехоты-конной армии невозможно, – смотрите, – я ткнул и провёл указкой указывая на концентрацию сенарцев, – здесь сосредоточены основные, самые боеспособные части. И не надо говорить, что зима была тяжёлая, они измотаны и прочее. Я был у них в тылу и видел, какова организация в войсках противника. Не надо недооценивать их силу. Ещё, – я обвёл выступ, – судя по карте, противник углубился примерно на пятьдесят-шестьдесят километров, растянув обозы.

– Совершенно верно, углубился на пятьдесят пять километров. Ширина занятого плацдарма сорок километров. Заняты... – согласился кто-то из офицеров, но его перебил генерал.

– Мы как раз обсуждали, – начал Венсатин, – что хорошо бы уплотнить оборону...

– Не надо уплотнять! Надо ударить!!! – перебил генерала. Тон с каким было сказано даже меня удивил, а офицер, стоявший рядом со мной, отшатнулся. – Они сметут или скорее всего обойдут выставленные заслоны. Разве не видно, что их основная цель – столица. Один недельный рывок, и они достигнут основной дороги, ведущей к Тиносванне и тогда путь на столицу будет открыт.

– Но позвольте, это уже западное направление, и они...

– Врагу всё равно, чьё направление, какой фронт, кто командующий. Они ударят им в тыл, если захотят конечно, – прервал кого-то из офицеров. Очень неприятно общаться, не зная имён или хотя бы должностей тех, с кем говоришь о серьёзных вещах. Одно обрадовало, что меня слушали, погрузившись в задумчивость, а я продолжал, – в прошлом году зима была ранняя, противнику не хватило нескольких недель, чтобы завершить их план, – в последнем предложении высказал своё предположение, но его никто не опроверг. Каковы зимы в этих широтах я не знал, но судя по фактической расстановке сил сенарцам действительно не хватило совсем чуть-чуть... Эх, хорошо было быть простым солдатом. Приказали – пошёл. Приказали – остался в обозе. А тут, увидев пусть не всю картину, но большую её часть я осознал, что следующий год действительно станет решающим для Империи и молодой Императрицы, и не зря Доанна Первая пошла на переговоры с врагом, захватившим треть Империи. Она видела нависшую угрозу.

– Что конкретно вы предлагаете, штабс-полковник?

– Мне нужны сутки, чтобы подготовить план контрнаступления. И если не затруднит, представьте присутствующих, – ответил генералу.

Глава 2

Перебираться в отведённый мне для проживания дом я отказался. По крайней мере в ближайшие сутки. По поручению генерала мне отвели комнату в штабе на втором этаже, где я засел за изучение дислокации и приставили адъютанта – того самого молодого лейтенанта, что встретил в холле.

– Господин штабс-полковник, завтрак готов, – оторвал меня от изучения полученных за последние несколько недель сводок адъютант. Зарывшись в бумаги, анализируя большой объём информации я и не заметил, как прошла ночь.

– Хорошо лейтенант, – согласился с адъютантом. Мозги просто кипели от усвоенной информации. Ладно была б она по делу, но приходилось выуживать из гигантского объёма информации: ежедневных докладов из частей, отчётов о приходе-расходе продовольствия, убытия-прибытия солдат с лечения, расходе боеприпасов то, что я искал. А искал не много ни мало боеспособные части, чтобы смог воплотить мой безумный план в жизнь.

Конечно, во время представления высших офицеров я интересовался ситуацией в вверенных им частях и все офицеры, как и ожидал с невозмутимой уверенностью заверили меня о высокой боеспособности и полной готовности к началу летней кампании. Но погружаясь в сводки, изучая листки убытия обнаружил, что слишком много солдат банально больны простудой. В некоторых полках четверть находится в лазарете, а остальные ещё полностью не восстановились после лечения. Тешило только одно, я надеялся, что похожая ситуация и в стане врагов.

Уселся за стол. Адъютант суетился, расставляя приборы как в дверь постучали.

– Разрешите? – не дожидаясь ответа вошёл штабс-полковник Нарсин, начальник штаба армии.

– Проходите полковник, завтракать будете? – из вежливости осведомился. Выделенное мне во временное пользование помещение состояло из одной комнаты, а принимать пищу под взором так не вовремя вошедшего человека было неудобно.

– Благодарю, но откажусь. Я к вам по делу.

– Слушаю, – отставив тарелку, встал из-за стола. Адъютант, надо отдать должное оказался расторопным солдатом, быстро убрал посуду и удалился.

– Пришло приглашение в столицу на церемонию коронации и генерал оказал мне честь сообщить, что в числе основных претендентов рассматривает вашу кандидатуру.

– Благодарю, но откажусь от этой чести, – ответил припоминая, что с моим багажом в карету загрузили небольшой пакет, опечатанный Императорской фельдъегерской службой. «Наверно я сам и доставил приглашение», – подумал, ухмыльнувшись. Не успел прибыть, как генерал хочет, чтобы я вновь вернулся в столицу подальше от его вотчины. Вполне такое логичное объяснение его действиям, но как будет выглядеть такое скорое возвращение в глазах Линессы. Она лично отправила меня на одно из самых угрожающих направлений, а я при первой возможности сбежал. – У меня строгий наказ Императрицы.

– Да-да, конечно. Требуется какая-либо помощь? На вечер генерал приказал собрать всех командиров от полка и выше.

– Хорошая идея, – поколебавшись ответил начальнику штаба. В моей голове основные тезисы плана сформировались, оставалось дело за деталями. А не владея фактическим положением дел можно попасть впросак. На бумаге, в отчётах всё выглядит не так уж и плохо, это я сгущал краски, но реальность могла оказаться далёкой от истины. – У меня есть просьба.

– Слушаю.

– Свой план я бы хотел представить сначала генералу и тем офицерам, кого он посчитает нужным пригласить, а потом...

– Я вас понимаю, полковник, – не скрывая ехидства ответил начальник штаба, – есть ещё какие-то просьбы?

– Да, нужна ещё одна карта более крупного масштаба.

– Это не проблема, я распоряжусь, – всё также с ехидной ухмылкой на лице ответил штабс-полковник Нарсин. – Как понимаю, не стоит уговаривать принять предложение генерала?

– Совершенно верно.

– Тогда позвольте удалиться. Карту сейчас вам доставят, – ответил начальник штаба и в хорошем расположении духа удалился.

«Во, как его распирает от счастья, с чего бы это?!», – думал, вновь усаживаясь за бумаги. Через несколько минут лейтенант Красс принёс карту, разложил на столе, и я углубился в изучение.

Выступ, что проглядывался на главной генеральской карте при другом масштабе выглядел совсем иначе. Я даже сравнил карты и даты их составления и убедился, что глаза меня не обманывают. Исходя из той, что использовал генерал, занятые сенарцами позиции выглядели монолитно, с чёткой границей занимаемых территорий, а вот представленная начальником штаба карта обладала существенными отличия. Имелись небольшие всего в пару километров, но бреши в обороне, пустующие, незанятые как нашими, так и войсками противника населённые пункты. Называть их не только городами, но и сёлами было бы опрометчиво. На карте меньшего масштаба, используемой генералом, они были и не обозначены, не были отмечены некоторые дороги, водные препятствия, что существенно меняло общую картину.

– М-да, – произнёс, откинувшись на спинку кресла, – интересно получается. При планировании генерал использует карту, что не вполне точно отражает ситуацию на фронте. Он думает, что перед ним сплошная линия обороны, все подступы заняты противником, что необходимо большое количество сил, чтобы пойти на прорыв, а на самом деле... Хотя, какой прорыв. Он думает только о генеральном сражении или как сохранить армию, не дав противнику продвинуться дальше, но ведь это действительно шанс... – я заторопился, застёгивая мундир.

– Адъютант!

– Я здесь, господин штабс-полковник, – отозвался лейтенант Красс.

– Проводи меня к начальнику штаба.

Шёл по коридорам, обратив внимание, что теперь на каждом повороте стоит часовой и слишком мало военных встречается на пути, обратился к лейтенанту:

– Красс, когда усилили охрану?

– Сегодня в ночь поступил приказ генерала. Выставлены дополнительные караульные на этажах и в холле оборудован стационарный пост с посыльными. С сего утра внутрь на второй и третий этаж можно попасть только с сопровождающим или по письменному разрешению коменданта.

– Хоть это радует, – пробурчал себе под нос, продолжая идти за лейтенантом. За малое время нахождения в штабе я плохо ориентировался в здании и не знал куда идти.

– Проходите, – адъютант открыл дверь, приглашая войти. Как и предполагал, это оказалась приёмная, где находившийся там офицер тут же подскочил с места. Думал опять придётся чуть ли с боем пробиваться к заветному телу, но всё оказалось проще.

– Штабс-полковник Мирони, полномочный представитель Императрицы к господину штабс-полковнику Нарсину, – вместо меня отрекомендовал лейтенант Красс.

– Подождите, я доложу, – недолго поколебавший сообщил адъютант и через минуту я вошёл в кабинет.

– Не ожидал, что так скоро придёте, передумали? – излучая довольство, произнёс штабс-полковник, – пойдёмте поговорим в тишине.

Большое, не уступающее в размерах генеральскому кабинету помещение уставлено столами, где, склонившись над ними, корпели солдаты и офицеры. Меж рядов туда-сюда сновали посыльные передавая какие указания.

– Я думал, что вы после обеда придёте, – оказавшись в небольшом уютном кабинете, первым заговорил полковник.

– Извините, не понял, – опешил я.

– Так, вы же пришли сообщить, что обдумали предложение генерала и соглашаетесь представлять нашу доблестную армию на официальной церемонии коронации Императрицы Линессы Первой.

– С чего вы взяли? Я пришёл по другому поводу.

– Да? – от удивления глаза полковника расширились и лучащееся счастьем выражение, будто он в лотерею выиграл корову, медленно стало спадать с лица.

– Именно так. Я, изучая карты, заметил некоторое несоответствие в дислокации сил противника, которое хотел прояснить.

Надо отдать должное штабс-полковнику. После моих слов он подобрался. Превратился из нарочито беспечного, добродушного человека в серьёзного, делового офицера.

– Адъютант! – выкрикнул Нарсин и тут же в помещение вошёл офицер. – Говорите, штабс-полковник.

Я покосился на подобравшегося младшего офицера, что было примечательно, он был вооружён.

– Не стесняйтесь, лейб-капитану Ватонсу я полностью доверяю.

– При изучении карт разных масштабов, имеется расхождение в дислокации войск противника, некоторые населённые пункты... – начал осторожно, издали, но меня перебили.

– Разрешите уточнить, – вступил в разговор лейб-капитан.

«А не простой это адъютант, – сделал для себя пометку, – перебить высшего командного офицера».

Нарсин кивнул, а Ватонс продолжил:

– Какой именно масштаб карт вы изучали? Имеются специфические особенности в обозначении для каждой группы. Допустим, – продолжал лейб-капитан, – на карте мелкого масштаба обозначается диспозиция сил исходя из пренебрежения пятнадцатью-двадцатью километрами. На карте крупного масштаба эта неточность нивелируется до трёх-пяти километров. Одновременно к каждой карте готовится и прилагается пояснительная записка, поясняющая обозначения, состав и другие имеющие на момент составления сведения.

– Пояснительная записка? – задавая вопрос я посмотрел сначала на лейб-капитана, потом на штабс-полковника. А ведь никакой пояснительной записки к карте мне не доставили, ни к первой, что получил сразу, как только принялся за подготовку плана, ни ко второй, что выпросил у начальника штаба.

– Благодарю, капитан, свободен, – кивнул полковник, а я продолжал смотреть на него обдумывая: умышленно мне предоставили неполные данные о противнике, о дислокации, составе наших войск или это всё-таки досадная оплошность. – Давайте присядем, – обращаясь ко мне, произнёс начальник штаба.

Я воздержался от гневной речи, ожидая объяснений. Штабс-полковник умный человек и понимал, что указ Императрицы, с которым я прибыл ставит меня на ступеньку выше его должности, а может и выше самого командующего армией. И появившись желание, доставить большие неприятности мне не составит особого труда.

– Я понимаю ваше недоумение, но...

– Договаривайте, полковник.

– Мы не рассчитывали, что ваше рвение всерьёз. И я, и генерал, и ещё некоторые офицеры думали, что штабная работа вам наскучит, а зная ваше не военное образование и, извините, мягко сказать отсутствие опыта планирования и руководства операциями выше взвода, то ваши предложения окажутся или невыполнимыми, или повлекут большие ненужные жертвы.

– Из-за этого мне не предоставили полную информацию? Согласитесь, полковник, оправдание выглядит неубедительно. Я бы понял, когда, обладая всей полнотой информации представил на обсуждение провальный план, но сейчас.

– Вероятно вы правы... – полковник говорил, используя общие фразы, но что резануло слух, он не извинялся за допущенное упущение. – В качестве примирения, если вам необходим опытный в штабной сфере помощник, могу вам его предоставить.

– Кто этот лейб-капитан Ватонс? – задал интересующий вопрос. Пространные разговоры начальника штаба меня не убедили, но и накалять обстановку я не хотел. Сегодня вечером предстоит серьёзный экзамен и не столько как солдата, но как командира и доверенное лицо Императрицы, что в корне меняло дело. Командовать армией, да что говорить, для командования полком нужен опыт и не только боевой, но и штабной. Я миновал эти ступени, когда после командира роты моя карьера резко пошла вверх, но всё это не то. Опыта планирования крупных операций, где только с одной стороны принимают участие несколько дивизий у меня не было.

– Минос Ватонс мой личный помощник, он отвечает за анализ поступающих сведений.

«Аналитик, – обрадовался я. – редкая и скорее всего единичная профессия в существующей структуре армии».

– Я бы хотел...

– Не отдам, – резко перебил меня полковник.

– Вы не дослушали. Я бы хотел, чтобы Минос Ватонс помог мне сформировать мой план на бумаге, подготовить соответствующие карты и... это не просьба, а приказ, – привёл последний довод начальнику штаба. Забирать надолго опытного, проверенного и владеющего всей текущей информацией офицера я не собирался, – он мне нужен всего на сутки, а лучше вместе с его подчинёнными. Времени осталось слишком мало, уже полдень, а работы ещё предстоит много, – смягчился в конце, давая понять, что от своего не отступлюсь, но и приложу все усилия, чтобы получить своё.

Долго мы смотрели друг другу в глаза, не отводя взгляда, но на второй минуте гляделок взгляд Нарсина дрогнул. Не знаю, какие после нашего разговора он сделал выводы, но до завтрашнего утра в моё распоряжение отошла его комната отдыха, располагавшаяся в крыле штаба армии и почти весь подчинённый ему личный состав.

Радоваться малой победе не стал. Вызвал лейб-капитана Ватонса и обрисовал в общих чертах своё видение ситуации. Он внимательно выслушал меня, иногда задавая уточняющие вопросы:

– В таком случае необходима переброска не третьей, а пятой дивизии, она укомплектована согласно штату и... – уточнения в общий план операции под кодовым названием: «Кинжал» вносились тут же. Тасовались, менялись изначально планируемые в участии операции подразделения. Почему для удобства назвал операцию: «Кинжал»? А не как-нибудь пафосно по имени какого Императора или полководца, так не знал я великих полководцев современного мира, а называть отвлечённым именем, например, «операция Багратион» или «операция Македонский» не стал, чтобы не вдаваться в пояснения, что означает это слово. Для нас – жителей Земли эти имена в какой-то мере известны каждому, а аборигену с этой планеты оно звучит без образной нагрузки как набор слов. И так, как понял, я ломал тактику и стратегию ведения современной войны. Здесь считалось главным что? Разбей армию или захвати столицу, и война считай выиграна. Им бы рассказать об Отечественной войне девятнадцатого века, когда второй по значимости город был, исходя из стратегических соображений, сдан врагу, но тем самым

сохранена армия. Предложи это меня б точно повесили, признав врагом Империи, повезло если бы признали умалишённым и то, сомневаюсь.

Не замечая, как быстро идёт время мы с лейб-капитаном продолжали вносить коррективы в план.

Для обывателя как? Отдан приказ: «Взять этот населённый пункт!» и сразу пошла атака, но на деле, перед крупным наступлением проводится подготовительная работа. Перебрасываются подразделения, укомплектовываются, доукомплектовываются дивизии, подвозятся продовольствие, боеприпасы. Тыловым службам даётся указание, согласно сезону, снабдить части всем необходимым. До командиров разных уровней доводится задача. Уточняется диспозиция и иерархия взаимодействия и ещё множество деталей, что по незнанию упустил при составлении плана.

В оставленный в моё распоряжение кабинет постоянно входили офицеры, кого вызывал-приглашал капитан, давая необходимые указания или уточняя имеющиеся сведения, а кто по не знанию, что начальника штаба здесь нет. Надо было видеть вытянувшееся от удивления лицо прорвавшегося через сидевшего в приёмной адъютанта посыльного, понявшего, что вместо начальника штаба – штабс-полковника Нарсина в его вотчине распоряжается незнакомый офицер и это безобразие пришлось пресечь, выставив дополнительный караул.

В очередной раз услышал в смежном помещении шум. Хотел отмахнуться, караульный получил чёткие указания: «Никого посторонних не впускать, только или по моему личному приглашению, или приказу лейб-капитана», но знакомый голос заставил отвлечься от размышлений.

– Кто там? – спросил, повысив голос.

– Лейтенант Красс, – отозвались из-за двери.

– Впусти.

– Господин штабс-полковник... – начал лейтенант, но я его остановил.

– Что-то случилось?

– Никак нет! Как ушли, так и не появились. Я не знал, что делать. Обед пропустили, скоро ужин, а никто не знает где вы. Начал искать, вот нашёл. Господин штабс-полковник, ужин готов.

Во время работы, когда погружаешься в проблему полностью, без остатка, время течёт быстро, и я и не заметил, что наступил вечер. Я сидел в очередной раз изучая только что нарисованную карту, отражающую придуманный план контрнаступления, вычитывал пояснительную записку, делая последние пометки.

– Позже, лейтенант, – едва успел ответить, намереваясь ещё раз пробежаться по тезисам плана, как вошёл офицер.

– Господин штабс-полковник Мирони, вас ожидает командующий.

Глава 3

– И, как вам? – после того, как из кабинета вышел прибывший по указанию Императрицы офицер, произнёс командующий. Первое впечатление от личного представителя царственной особы оказалось неоднозначным.

– Молод, горяч, – ответил начальник штаба.

– Но у него хватило ума, господин штабс-полковник не обострять конфликт. Я заметил, как загорелись его глаза и сжались кулаки, когда вы вступились за... за офицеров штаба.

– Не спорю, я это тоже заметил, – согласился Шнарсин, лейб-полковник – командир отдельной гвардейской кавалерийской дивизии.

– А вы что молчите, господин начальник особого отдела, расскажите о нём что-нибудь?! Или только и можете, что докладные писать на офицеров?

– Господин генерал, – задумчиво произнёс штабс-полковник Везарин, – информации об этом солдате у меня действительно очень мало. В основном только официальные сведения. И не удивляйтесь, меньше чем год назад ему личным повелением почившего нашего Императора Страниса Первого за доблесть и героизм присвоили чин лейтенанта лейб-гвардии. Известно, что он непотомственный дворянин, откуда-то из глубинки, но имеет очень хорошее, даже слишком для простолюдина образование. Несколько раз имел аудиенцию с почившим Императором, обласкан Императрицей Доанной Первой, но самое удивительное, именно он сыграл основную роль в воцарении действующей Императрицы Линессы Первой.

– Даже так??? – не удержался от удивительного восклицания начальник штаба.

– Продолжайте, что ещё известно? – заинтересованно поинтересовался генерал. Резвый взлёт по карьерной лестнице этого простолюдина генерала хоть и удивил, но такое быстрое возвышение было не редкость: идёт война, не первый в истории Империи дворцовый переворот. Именно в такие судьбоносные моменты и зажигаются звёзды на небосклоне Империи, но быстро и ярко засияв, также быстро и падают, погребая с собой в забвении целые семьи дворян, не вовремя поддержавших одну из противоборствующих сторон.

– Дальше только слухи.

– Продолжайте, не тяните.

– Как я уже сказал, умён не погодам, образован...

– Полковник, есть что существенное? – уже раздражённо поинтересовался командующий. Манера говорить штабс-полковника Исара Везарина часто раздражала генерала, вместо того, чтобы изложить факты, он часто пускался в пространные объяснения, не относящиеся к сути дела, но что не дать не взять, он, пожалуй, единственный офицер, которому доверял безраздельно. И это не только из-за того, что прошёл с ним не одну военную кампанию, не из-за того, что познакомился с ним ещё будучи младшим офицером, а потому что прошёл с ним все ступени долгой служебной лестницы от командира взвода до командующего армией. И даже в трудные моменты, когда над тогда ещё полковником сгустились тучи, именно он – Исар Везарин не предал его, не поверил ложным обвинениям, а добившей личной аудиенции у Императора, отстоял честное имя будущего генерала.

– Существенное? – переспросил полковник и недолго подумав, продолжил, – думаю, только несколько моментов: опыт командования небольшой, в подготовке и планировании стратегических операций участия, насколько мне известно, не принимал.

– И что он может спланировать?! – вскинулся начальник штаба.

– А как же рейд по тылам противника? – напомнил командир гвардии.

– Это не то, – отмахнулся Нарсин, – для такой операции нет необходимости согласовывать действия множества частей, в том числе тыловых.

– Соглашусь, – кивнул до этого молчавший штабс-полковник Рассин – начальник тыла, – это скорее операция дивизионного уровня, а не стратегическая, уровня армии или группы армий.

– Ну, не знаю...

– Ладно, господа, на сегодня всё. Вижу, что наше обсуждение зашло в тупик, да и устали все. Завтра с утра жду у себя. Пусть потешит своё самолюбие этот представитель, сутки ничего не решат. Нарсин, собери завтра к вечеру старших офицеров, пусть подготовят доклад о состоянии вверенных частей.

– Слушаюсь, – ответил начальник штаба. В приказе командующего ничего необычного не было. Каждые две недели он собирал у себя старший командный состав, интересовался бытом солдат, наличием обмундирования и прочей текущей рутинной, показывая себя заботливым генералом. И это редко, но приносило свои плоды. Не всегда вовремя доходили донесения и личное общение с непосредственными командирами частей вносило ясность в общую картину состояния войск. Именно он – начальник штаба и предложил ввести практику личного общения генерала с командирами среднего звена, чтобы и самому иметь реальную картину положения дел в такой большой и сложной машине, как группа армий.

Генерал остался один, адъютант приготовил лёгкий ужин.

– Господин генерал, прибыла Императорская почта, – доложил адъютант, закончив сервировку стола. Он знал, что командующий, чтобы не терять время знакомился с корреспонденцией во время обеда.

– Давай. И когда прибыл гонец, почему лично не зашёл?

– Пакет передали с только что прибывшим штабс-полковником, – отчеканил адъютант. Привычка личного общения с курьером фельдъегерской службы вошла в обыкновение у генерала совсем недавно. Слишком долго он находится вдали от столицы и ему интересно практически из первых уст узнавать новости светской жизни.

– Понятно. Ладно, оставь, я посмотрю.

Командующий сделал пару глотков сваренного тонизирующего напитка, перекусил парой бутербродов и принялся вскрывать пакет. Императорскую почту ему доставляли не вскрытой, чтобы адресат удостоверился в наличии печатей и тайных меток.

– Так, посмотрим, что тут у нас... – бормотал себе под нос командующий, пробегая взглядом витиеватый текст, составленный в официальном, пафосном стиле.

– Адъютант! – закончив изучение документа, повышая голос, позвал командующий. Не прошло и пары мгновений, как в помещении оказался офицер. – Пригласи начальника штаба ко мне. Знаю, что он часто ночует здесь, в своём кабинете.

– Карету готовить? – осведомился адъютант, уточняя, когда генерал намеривается убыть из штаба.

– Пока нет, я дополнительно распоряжусь.

Через несколько минут к генералу вошёл Нарсин.

– Читай, это скорее по твоей части, – без предисловий, командующий протянул тому лист императорского послания.

– Что намечена коронация, знали и без официального уведомления, – ослабился начальник штаба, – но, чтобы вновь кого из высших офицеров отправлять в столицу. Впереди летняя кампания, никого из числа своих подчинённых я отпустить не могу. Может быть вы, господин генерал? Давно ведь в столице не были? Семейку повидаете...

– Не до этого. Впереди трудный год. Сам знаешь, какое положение в частях, да и враг что-то явно замышляет. Не мне тебе говорить, что весна-лето текущего года станут решающими, – генерал лихорадочно соображал. Отпускать кого из боевых офицеров среднего звена – значит оставить без командира одно из подразделений, если выбрать кого из высшего командного состава, обезглавить, пусть и на время придётся как минимум дивизию. Замены или кого из

более-менее незанятых офицеров в штате нет. И если честно признаться, офицерский состав укомплектован хорошо если на четыре пятых. Опытных офицеров недостаточно. А ещё этот полковник, с непонятными полномочиями... Генерал встрепенулся. – А если...

– Предлагаете отправить обратно полковника в столицу? – Нарсин хитро улыбнулся, – но не думаю, что он согласится.

– Согласится. Завтра вечером он представит свой план, его обсудим и...

– Вы строги, генерал. Я бы дал ему шанс выйти из затруднительной ситуации, в которую сам себя вогнал, сохранив лицо. Всё-таки, неизвестно, как повернётся судьба.

– Наверно ты прав, – нехотя согласился генерал. Лучше не конфликтовать с человеком, вхожим к главе государства, а тем более, считай и возведшего её на престол. – Завтра с утра передай ему моё предложение воспользоваться приглашением представлять нашу армию на официальной церемонии коронации со всем вытекающими из этого полномочиями и так далее. Ты лучше меня знаешь, как сформулировать.

– Хорошо, господин генерал.

– Вот и отлично. Ладно, я поехал отдыхать, устал. Ты ещё останешься или подвезти?

– Пока останусь, надо закончить некоторые дела.

– Понятно. Ладно, тогда до завтра.

Утром командующий был в хорошем расположении духа. Погода радовала: тепло, тучи рассеялись и всё говорило о том, что весна окончательно вступает в свои права.

– Господин генерал, к вам начальник штаба, – доложил адъютант.

Командующий только успел разобрать текущие дела, отдать соответствующие распоряжения о предстоящей встрече с офицерами и не успел даже отпить свой утренний тонизирующий напиток, как к нему посетитель. Но заставлять ждать доверенное лицо он не стал. Распорядился подать вторую чашку, зная, что полковник не откажется. Да и вести деловой разговор, чинно попивая горячий напиток, намного приятнее.

– Ты рано, обычно во второй половине дня до меня добираешься со своими сводками.

– На это есть причины, – пожал плечами начальник штаба, усаживаясь напротив генерала за столик.

– Не тяни... а то стал как Исар, всё тянешь кота за хвост, докладывай, что случилось?

– Был у штабс-полковника, передал ваше предложение, с рекомендациями принять приглашение.

– И он не согласился?

– Совершенно верно.

– Ничего. Сразу бы и я не согласился, – ухмыльнулся генерал, – зная эту, взбравшуюся за короткий срок к вершине власти публику, ставлю на то, что он сам прибежит к тебе после обеда, чтобы принять предложение.

– Уверены?

Генерал встал со своего места, прошёлся по кабинету, остановился у секретера, открыл створку и извлёк небольшую бутылку тёмного стекла, опечатанную сургучной печатью.

– Ставлю эту бутылку, что этот Мирони придёт к тебе после обеда и не дожидаясь вечера отбудет в столицу.

– Венедское красное?

– Именно оно. У меня ещё пара бутылок осталось для таких случаев.

– Тогда с меня...

– А с тебя план летней кампании и чтоб не позже чем через неделю его представил.

– Так весь штаб над ним работает.

– Знаю, так что иди, занимайся.

Генерал посмотрел вслед уходящему полковнику, а сам подумал:

«Уедет, куда он денется. Потерять авторитет среди потомственных военных, когда только достиг звания высшего командного состава, станет концом карьеры. Надеюсь он это понимает. Тем более, собран и средний командный состав, а они парни горячие. Не чтут авторитетов. Сам таким был. Но надо на всякий случай предупредить, чтобы не сильно измывались над новоиспечённым полковником, а то мало ли что».

– Адъютант! Пригласи Исара Везарина.

– Командующий, – вошёл начальник особого отдела.

– Проходи. Узнал, что ещё об этом Мирони?

– Ничего нового. Мало времени.

– А какое впечатление сложилось, глядя опытным взглядом? – поинтересовался генерал.

– Умён, целеустремлён. Остался ночевать здесь, в штабе. Закрылся в комнате и всю ночь изучал сводки.

– Логично. Наверно знаешь, пришло приглашение в столицу на официальную церемонию коронации? Так вот, я предложил Мирони представлять командование армии на церемонии. Подготовь карету, сопровождение, официальные документы и то, что необходимо к сегодняшнему вечеру.

– Он согласился? Когда отбывает? – оживился Исар. Новость для него оказалась неожиданной.

– Пока не согласился, но согласится. Так что подготовь, что сказал и ещё... Если всё-таки не уедет, в чём сильно сомневаюсь, предупреди офицеров, чтобы не сильно разносили его план, а то знаю их. Начнут тыкать в бреши и нестыковки, а он ещё молод, не надо карьеру уж сильно ему портить. Всё-таки боевой офицер.

– На уровне полка он себя хорошо зарекомендовал. Через пару лет, может раньше и дивизию можно доверить.

– Вот-вот и я об этом. Ладно. Иди, занимайся. Ко мне главный медик третьего дня напирался, надо с ним успеть поговорить, пока время есть.

– Он в приёмной, ожидает.

– Вот и хорошо, пригласи.

Нескончаемые встречи, доклады продолжались целый день. Под вечер генерал выглядел уставшим, но такова доля командира: брать на себя ответственность, принимать решение и не всегда по прошествии времени оно выглядит оправданным, но легко судить, зная последствия.

Командующий прошёлся по кабинету. Выдалась редкая минута, когда его никто не беспокоит. Но день на этом не закончен. Наступил вечер, собрались офицеры и предстоит выслушать этого настырного штабс-подполковника с его планом контрнаступления. Пожалуй, он впервые ошибся в человеке, недооценил или скорее неправильно оценил рвение... а может честолюбие, граничащее с гордыней? Не умение, не желание признать свою некомпетентность и неграмотность... Генерал поморщился. Уж очень ему не хотелось наживать врагов среди лиц, приближённых к только что взошедшей на престол Императрицы.

Он – потомственный дворянин, военный. Практически весь генералитет Империи – потомственные военные, прошедшие специфическое обучение и ничего кроме как с оружием в руках защищать интересы Империи не умеют, но так сложилось исторически. Государственная гражданская служба и особая каста – военные. Со своим неписанным кодексом чести и сложившимися устоями. И не каждому дано вписаться в эту касту. Бывали случаи, когда и потомственные военные под молчаливое осуждение своих коллег уходили со службы, подталкиваемые укоризненным взглядом, но это единичные случаи. Но за всю историю Империи не было ни одного случая, чтобы непотомственный военный, а тем более не дворянин стал равней высшим чинам армии. В этом не помогала ни благожелательность царственной особы, ни кровные узы. Только делом можно доказать свою состоятельность и не факт, что единичный успех приведёт к желаемому результату.

- Господин генерал, – вошёл адъютант, – все собрались.
- Где начальник штаба?
- Не могу знать, пригласить?

– Нет, не надо, – генерал удивился, что начальник штаба, поняв, что штабс-полковник окончательно откажется убыть в столицу тут же не прибудет к нему с радостной для него вестью. Всё-таки бутылка красного венедского – редкое вино и честно им заслужено, а что Нарсин со своими людьми подготовит план летней кампании генерал не сомневался, – ладно, пора.

Идя по длинным коридорам, генерал обдумывал, как лучше построить сегодняшнее большое совещание. Сначала выслушать представление плана или всё-таки, пока офицеры спокойны, выслушать доклады командиров. «И куда этот начальник штаба запропастился?!», – думал генерал, не зная какое решение принять. Логично было выслушать доклады офицеров о состоянии дел, а за это время внести кое-какие коррективы в план. В принципе всегда так делалось, в последний момент, на коленках вносились уточнения и поправки, существенно не влияющие на общую картину предстоящего сражения.

Перед генералом распахнулись двери. Он вошёл в большой зал, полный сидящими на расставленных полукругом стульях офицерами. И по единому мановению все они встали, приветствуя командующего.

«Странно, – подумал штабс-генерал, – практически все собрались, но никто ко мне так и не пришёл с личной просьбой или пожеланием».

- Господин генерал, сюда, – на голос обернулся Тонатос.

Приглашал занять место в первом ряду напротив занимавшей всю стену карты начальник штаба.

«Вот, оказывается, где он», – успел подумать генерал и направился к нему, и только сейчас он обратил внимание, что у стены, у края карты, держа в руках указку, скромно стоит штабс-полковник, что-то листая.

- Позвольте начинать? – как-то буднично осведомился Нарсин.
- Сначала обсудим план?
- Да, на этом настоял штабс-полковник Мирони.
- Но ведь раньше...
- Ему видней, господин командующий.
- Тогда начинайте, – пожав плечами, ответил штабс-генерал.

Глава 4

«Опять моё назначение в действующую армию начинается с защиты составленного плана, – думал, стоя возле стены, мельком бросая взгляд на собравшуюся аудиторию, – хотя, нет. В прошлый раз и народа было поменьше, и план был не такой грандиозный, да и тогда неожиданный покровитель вовремя оказался в нужном для меня месте, а сейчас... – я тяжело вздохнул. Взглядом проводил, как командующего усадили в первом ряду. Начальник штаба что-то с ним коротко обсудив, дал мне знак начинать, – ладно, пора».

– Господа офицеры и командиры! – обратил на себя внимание собравшихся, а когда в зале воцарилась тишина, продолжил, – как большинство из вас успело понять, сегодня не совсем обычное совещание. Я – штабс-полковник Валео Мирони, представитель Императрицы Линессы Первой, обращаюсь к вам. Сколько будем отступать, оставляя земли где живут наши с вами братья и сёстры, отцы и матери? Сколько будем терять солдат, всё равно оставляя целые территории врагу?..

Кто-то попытался с места возразить, но я его осадил:

– Прекратите оправдываться. Я не хуже вас знаю положение дел в армии и конкретно на данном направлении, и знаю, что нам надо сделать. Итак, представляю на обсуждение план контрнаступления, подготовленный совместно со штабом армии, – мельком заметил, как командующий вопросительно посмотрел на начальника штаба, а тот невозмутимо продолжал смотреть вперёд. Прямо восхитился его артистическим способностям, но необходимо переходить к основной части выступления:

– Как видите, на фронте сложилась следующая ситуация, – я развернулся полуоборотом к карте и указкой наглядно сопровождал своё выступление. Как таковой заготовленной речи у меня не было. Только тезисы, которые необходимо озвучить, чтобы собравшимся стало понятно, что планируется совершить. К счастью, мне удалось поговорить с командирами дивизий, которые планировал использовать в качестве основного острия удара. И это всё благодаря начальнику штаба. Не думал, что он так резко изменит ко мне отношение, но факт остаётся фактом. После моего категоричного отказа воспользоваться случаем и отбыть в столицу, штабс-полковника Нарсина словно подменили. Он не только предоставил в моё распоряжение практически весь штат штабных работников: картографов, посыльных, писарей и прочий обеспечивающий персонал, без которого не обойтись, но и лично обеспечивал встречу с нужными мне людьми, которым возлагалась честь нанести первый неожиданный и надеюсь сокрушительный удар.

– ...этот выступ сильно врежется в нашу оборону, практически разделяя армию на две части, – продолжал, погрузившись в ораторский азарт, – что ухудшает не только снабжение разделённых практически на две неравные части группы армий, но и влияет на координацию действий, – я говорил прописные истины, но другим, доходчивым языком, делая акценты на том, что сложившаяся ситуация как никак удачно подходит для наступления. Излагал план обстоятельно, указывая на угрожающе со стратегической точки зрения углубление противника в обороняемые ряды, упоминал возможные пути развития наступления противника, расставлял акценты, что дальше отступать некуда. Как не смешно звучало, но действительно, позади оставалась практически открытая дорога на столицу. Изложил возможный вариант, как отойти и выровнять линию обороны, сконцентрировав основные силы на угрожающем направлении на столицу, но сам же прошёлся по этому варианту, указав на возможные катастрофические последствия, что потеряем не только территории, но и армию. Вдоволь насладившись произведённым эффектом, приступил к самому главному, изложению плана контрнаступления.

– Итак, на рассвете пятая, восьмая и шестая дивизии, располагающиеся севернее Тинсбюки ударят по направлению к Кенасовке. Ночью того же дня третья, четвёртая и седьмая дивизии стремительным марш-броском выступят по направлению к Дуговатовке, и заняв её, нанесут удар по направлению всё той же Кенасовке. Предвосхищая вопросы отечу, Дуговатовка не занята неприятелем. Она по состоянию на сегодняшнее утро, как, впрочем, и предыдущие несколько недель, ничейна. В детали и задачи каждой конкретной дивизии погружаться не буду, враг не дремлет. А теперь главное, о сроках. Контрнаступление намечено провести через две недели, – говорил громко, чётко, делая небольшие, но достаточные паузы, чтобы слушатель смог осознать информацию, но у него не было времени меня перебить. – Вопросы?

В зале воцарилась тишина. Командиры дивизий, что упоминал в своём плане молчали. Я их лично уведомил о предстоящей задаче, даже пришлось учесть некоторые особенности расположения и пожелания, чтобы кардинально не менять план, перебрасывая дивизию с одного края предполагаемого наступления на другой. Но звенящая тишина меня удивляла. Я предполагал, что будет много вопросов, приготовился держать ответ, но все чего-то ждали и когда с места поднялся командующий, понял, чего ждали офицеры...

Командующий успел перекинуться парой фраз с сидевшим рядом начальником особого отдела, как голос штабс-полковника привлёк к себе внимание.

«Ну, что ж, послушаем», – приготовился к монотонной речи генерал, но вместо ожидаемого бубнежа услышал хорошо поставленную, на уровне ораторского мастерства, речь. Представитель Императрицы говорил дерзко, но не обвиняя, а обращая внимание на допущенные просчёты и указывая на бреши в обороне противника, а когда тот вновь упомянул, что план составлен совместно со штабом армии, генерал перевёл взгляд на штабс-полковника Нарсина, но тот с невозмутимым видом продолжал смотреть прямо перед собой.

«Они что, сговорились? – возмутился генерал, – ладно, сейчас наступит пауза и офицеры не станут молчать. Никогда такого не было, чтобы план хоть и небольшой операции проходил без бурных обсуждений. Каждый из командиров хочет выторговать себе лучшее положение для наступления, лучшее снабжение...».

Штабс-полковник продолжал доклад, а генерал начал нервничать. Докладчика не перебивали, он просто не давал время опомниться, самостоятельно отвечая на возможные вопросы. А когда заговорил о возможном отступлении и выравнивании фронта, генерал подобрался. Именно этот план он обсуждал совсем недавно, буквально сутки назад. И докладчик проехался по нему словно гружёная бочками телега, не оставив никому шанса выжить под колёсами.

«М-да, разгромил полностью как с тактической, так и со стратегической точки зрения», – думал генерал, пытаясь отыскать несоответствия или хоть какие-нибудь зацепки в своём оправдании, но не находил. Всё выглядело логически выверено. Все приведённые этим штабс-полковником доводы подкреплялись цифрами, расчётами расстояний и оптимальным маршрутом как отступления, так и наступления, что не оставляло сомнений в невыполнимости рассматриваемой ранее идеи выровнять фронт, а когда офицер приступил к основной своей части, собственно для чего все и собрались, начались чудеса.

При упоминании номера дивизии, командир вставал со своего места и, выполнив согласно уставу отдание чести без головного убора, молча садился на своё место. Командующий смотрел за разворачивающимся действием и не понимал. Он не ожидал, что какой-то заезжий, явно совсем недавно назначенный высший офицер так быстро найдёт подход если не к каждому, то к большей части собранного в одном зале офицерскому составу, а среди них были и отличавшиеся своенравием и скверным характером. Взять хотя бы командира четвёртой дивизии, лейб-капитана Версанта Дудикса. Потомственный военный, за личную храбрость неоднократно награждён, вот только характер... Если б не его неуживчивость с коллегами, полное отсутствие авторитетов. Он, надо же удумать, умудрился поссориться со всеми, в том числе с начальником тыла. Но надо отдать должное – офицером он являлся отменным, и его

гвардейская дивизия была, пожалуй, одной из самых подготовленных из всех имеющихся в распоряжении генерала.

Из раздумий командующего выдернула звенящая тишина. Он осмотрел зал: десятки пар глаз смотрели на него. Он и спиной ощущал, как на нём сосредоточилось внимание целого зала. Командующий встал со своего места, обернулся к залу, но, мгновенно оценив обстановку, подошёл к докладчику.

– Что ж, сегодня мы с вами услышали то, что хотели сделать ещё несколько лет назад. И, как понимаю, нам представился шанс, и мы его не упустим. Господин личный представитель Императрицы, – генерал специально обратился к офицеру не по его званию, а по должности, чтобы нивелировать разницу в звании, – армия Канторийской Империи готова исполнить приказ Её Величества...

Смотря как медленно со своего места поднимается командующий, я, если честно, немного стухнул и сделал шаг назад. Вид у генерала был задумчивый, но серьёзный. Он сделал несколько шагов ко мне. Остановился рядом и произнёс речь, которую не ожидал услышать. После его слов зал встал и замер. Ничего более впечатляющего в своей недолгой жизни я не видел. Это действие на меня произвело сильное впечатление, и я чуть не прослезился, но генерал меня одёрнул:

– Что ты, держись. Предстоит много работы...

Встречи, обсуждения, уточнения деталей и просто разговоры с офицерами продолжались до глубокой ночи. Предоставленный мне кабинет стал больше похож на проходной двор, где стояли, сидели, иногда на повышенных тонах общались офицеры.

Командиры частей, что не задействованы в наступлении убыли в свои расположения, а вот тех, кому предстояло выполнить основную часть плана я собрал у себя. Конечно, нарушил субординацию, но мне было простительно. Как понял, генерал проникся произведённым эффектом и закрыл на нарушение субординации глаза, хотя, как понял, он сознательно при большом скоплении народа обратился ко мне не по званию, а по должности, тем самым поставив меня с собой на один уровень.

Только сейчас, видя, как рьяно продолжают уточнять детали предложенного мной плана офицеры я осознал, что застоялась армия: долгие месяцы, сидя на зимних квартирах, изредка совершая малозначимые тактические действия, то отбивая один населённый пункт, то сдавая другой, а тут представился реальный шанс. И шанс, который может кардинально изменить если не ход всей войны, то по крайней мере станет переломным и поменяет вектор движения на ближайший год.

Иллюзий я не строил, но надеялся на благоприятный исход, тем более видел, с каким тщанием обсуждаются детали контрнаступления.

– Господин штабс-полковник, – вырвал меня из обсуждения адъютант.

– Слушаю, что-то срочное?

– Вас приглашает командующий.

Я обвёл глазами собравшихся. Каждый был чем-то занят и не выказывал недовольства, что мне необходимо их покинуть.

– Хорошо, скоро буду.

Всё те же длинные коридоры, но в этот раз даже равные по званию мне первому отдавали честь, кое-кто пытался заговорить, но я, ссылаясь на срочный вызов к командующему, продолжал свой путь.

– Проходите, вас ожидают, – подскочил адъютант генерала. В приёмной никого не было. Я вошёл.

– Проходите, присаживайтесь, – встретил генерал. В помещении кроме него были ещё высшие офицеры и что мне бросилось в глаза, все они сидели за сервированным столом, но

приборы были не тронуты, что означало ожидают только меня. Тут желудок предательски напомнил о себе. Сегодня, почти целый день я ничего не ел.

– Присаживайтесь, не стесняйтесь, – продолжал генерал, – за целые сутки вы так толком и не поели, а мы так и не поговорили. Так что, давайте совместим приятное с полезным.

– Не откажусь, – ответил, усаживаясь на пустующее место. Справа от меня сидел начальник штаба, слева командир отдельной гвардейской кавалерийской дивизии, рядом с командующим начальник тыла и особого отдела.

«Всё знакомые лица», – ухмыльнулся я.

Ужин прошёл в тишине, нарушаемой только звоном бокалов. Короткие тосты за здоровье Императрицы, процветание Империи и третий тост – за погибших во славу Империи, произносились без помпезности и лишних слов. Для себя отметил, что отличное вино выставил на стол генерал, а что за столом не принято вести деловой разговор я узнал за короткое время пребывания в столице. Исключение только Императорский обед, на котором мне посчастливилось побывать.

Обед закончился, убрали сервировку и подали горячий тонизирующий напиток. Кофе его назвать можно было с натяжкой, но сердце, отвыкшее от кофеина или таурина, забилося, словно хотело вырваться из груди.

– Знаете, я рад, что в вас ошибся, – завёл разговор генерал, – пока вы были заняты, я изучил ваш план контрнаступления, как вы его назвали, «Кинжал», если не изменяет память. Что ж. Хорошо продуманный, тщательно взвешенный, конечно не без огрехов, но выполнимый. Меня только смущают сроки. Начинать наступление с двух направлений одновременно...

Я понимал сомнения генерала. Малость изучив историю здешних военных действий, предложенный мной удар с двух направлений, а потом обходящий манёвр и замыкание кольца окружения за пределами населённого пункта выглядел слишком авангардно и опережал военную науку на несколько десятилетий, если не столетий. Южной ударной группировке, состоящей из третьей, четвёртой и седьмой дивизий предстояло ночью начать марш-бросок длительностью почти двадцать километров по пересечённой местности и это в полной амуниции, с двукратным запасом боеприпасов. И практически сразу, по плану давалось на отдых примерно три-четыре часа, вступить в бой, пойдя на штурм занятых позиций врага. Расчёт строился на внезапности и заверении начальника тыла, с которым по рекомендации начальника штаба пообщался дополнительно в неформальной обстановке. Ведь от его службы зависело снабжение атакующих войск. Сколько красноречия мне стоило убедить командиров дивизий не нагружать солдат и не брать с собой лишнюю тяжесть из поленьев, пятисуточного запаса провизии и другого хоть и нужного, но бытового скарба, а ограничиться минимумом продуктов питания и воды из расчёта на одни сутки, но мне это удалось.

– Сроки сжаты до минимума, – согласился с высказанными генералом сомнениями, – десять-одиннадцать дней на доукомплектование. Господин штабс-полковник Рассин меня заверил, что этого времени предостаточно. Затем два-три дня на финальную проверку.

– А ещё один день?

– Южная ударная группировка начинает в ночь, пока северная будет ещё стоять в ожидании приказа на выступление. Есть только один момент, который я не озвучил открыто, это резерв. Он необходим и в размере не менее двух-трёх дивизий, – действительно, в озвученном широкой публике плане я не упомянул о наличии резерва. О нём конкретно указывалось только в пояснительной записке, которую получили лишь задействованные в операции командиры. Говоря последние слова, я смотрел на Шнарзина – командира отдельной гвардейской кавалерийской дивизии. Именно его подразделению я отводил роль основного резерва. Разбросанные, включённые в общий состав хоть и гвардейские части мало подходили для усиления, а возможно и для ликвидации вероятных попыток прорыва окружения.

– Что скажите, господин лейб-полковник? – проследив мой взгляд, осведомился генерал.

– Я-то думал, почему все идут в наступление, а отдельная гвардейская кавалерийская дивизия остаётся в стороне.

– Не останетесь, – улыбнулся генерал. «Он-то уж точно внимательно прочитал и карты, и пояснительную записку, и скорее всего полный план операции», – подумал про себя.

– Значит требуются ещё две дивизии. Второй и девятой будет достаточно?

– Вполне.

– Что-то ещё необходимо?

– Посыльные, здоровые и выносливые кони. И ещё, я бы хотел лично возглавить наступление южной группировки.

– Неудивительно, но командиру стоит находиться не впереди строя, а умелым и своевременным командованием управлять ходом сражения, – как по учебнику выпалил генерал. В принципе я с ним согласен. Командир уровня дивизии уже не простой солдат, а командир с большой буквы, но отступить я не мог.

– У нас на родине говорят, что кто придумал, тот и выполняет, – ответил, лицепрятно перефразировав фразу: «Инициатива трахает инициатора».

– Интересное выражение, надо запомнить, – нехотя согласился генерал, – но тогда вы противоречите сами себе, господин полковник, если уж придумали план, так и контролировать весь ход исполнения, а не отдельного участка, логично поручить именно вам.

В словах генерала имелась доля истины. Никто не владел полной картиной и не разбирался в деталях плана контрнаступления лучше меня.

Глава 5

От настойчивых рекомендаций остаться в штабе армии я отказался и на следующий день перебрался ближе к линии фронта с официальной версией – проведение плановой инспекции. Статус должности позволял, и я всем видом показывал, что по настоянию Её Величества объезжаю войска, проверяя состояние дел. По моему настоянию о плане контрнаступления строжайше запретили открыто обсуждать, делиться какими сведениями с кругом лиц, не вовлечённых в предстоящее событие, а событие намечалось грандиозное. Одновременно радовало и настораживало пассивное поведение врага.

О методах ведения разведки сего времени меня лично просветил начальник особого отдела армии. Именно он рассказал, что главными инструментами разведывательной деятельности являются: вербовка допущенных к тайне лиц, визуальное наблюдение и самое неприятное – взятие языка. Ничего нового, всё те же проверенные методы. Готовя операцию, я старался минимально ограничить круг лиц, осведомлённых о планируемом контрнаступлении, но скрыть передислокацию войск, и это тогда, когда фактически летняя кампания ещё не началась, увеличение количества обозов,двигающихся от складов к расположенным на передовой частям, тихие перешёптывания среди солдат, не удавалось. И я боялся, что враг предпримет контрмеры, которым с достаточной быстрой противодействовать не смогу.

Из размышлений вывел бодрый голос:

– Господин представитель Императрицы, – именно так я просил обращаться ко мне при посторонних ставшего на постоянной основе моим адъютантом лейтенанта Красса, – прибыл фельдъегерь из штаба армии.

– Проси.

Я хоть и недалеко выдвинулся вперёд, ближе к линии фронта, но расстояние в три-четыре часа конного хода доставляло с одной стороны неудобство в координации действий с командующим, но с другой стороны, ускоряло принятие оперативных решений на местах.

Вошёл запыхавшийся курьер, протянул запечатанный пакет. Вскрыл, углубился в чтение, одновременно приказав:

– Лейтенант Красс, накормить курьера, подготовить сменную лошадь и ждать указаний.

Оставшись один, внимательно перечитал послание. В нём докладывал начальник тыла, что обозначенное обмундирование, боеприпасы и прочие затребованные мной для начала боевых действий материальные ценности, обозом направлены в части и через двое суток придут к месту назначения. Наступала решающая фаза подготовки к контрнаступлению. Через считанные дни дивизии будут полностью снабжены необходимым, южная группировка скрытно выдвинется в указанный ей район, а северная и так находилась на позиции начала атаки.

«Надо бы как-нибудь разузнать, что делается в стане врага. Последние сведения начальника особого отдела армии туманны и не содержат ничего интересного, а вот что конкретно планирует в летнюю кампанию враг так узнать и не получается», – думал, продолжая в уме перебирать варианты возможных контрмер противника при начале наступления. Погода хоть и устоялась. Весна постепенно входит в свои права и некоторые дороги достаточно просохли, но для скорой переброски сил этого будет недостаточно. Что удручало, я не располагал сведениями о резерве противника. Сколько он может выставить дивизий, начни я операцию. Это был риск, но риск оправданный. Если дальше тянуть, дожидаться, когда сенарцы первыми предпримут атаку на наши позиции, то, разделённая надвое армия с большой долей вероятности не выдержит натиска и придётся отступить.

– Господин представитель Императрицы, – вновь вывел из размышлений адъютант, – прибыл лейб-капитан Дудикс.

Я его сегодня не ждал, но этот уже немолодой офицер часто прибывал без приглашения и практически всегда или с дельными предложениями, или, как можно сразу понять, с жалобами на тыловиков.

– Что у тебя, лейб-капитан? – осведомился у вошедшего офицера. Он был явно чем-то взволнован.

– Господин штабс-полковник, – немного отдышавшись, начал офицер, – ночью, со стороны Дуговатовки мои люди видели множество передвигающихся огней. Утром я послал туда разъезд проверить, что там происходит, но он исчез, не вернулся. Вторую группу, чтобы не привлекать внимание своим интересом я отправлять не стал.

– Противник занял Дуговатовку? – задал очевидный вопрос, а сам продолжал лихорадочно думать. Весь мой план строился на скрытном захвате этого населённого пункта, что открывал южной группировке дорогу к конечной цели – Кенасовке. Если придётся с боем брать ещё и Дуговатовку, то одновременного удара и обходного манёвра не получится. Неизвестно, какими силами занял противник населённый пункт и сколько времени понадобится для завладения этой промежуточной, но важной точкой.

– Точных сведений нет, но все признаки говорят, что в Дуговатовке расположилось до роты противника.

– Примерно рота... – повторил предположение офицера. Оснований не доверять этим сведениям у меня не было, но я всё-таки уточнил, – Уверен? Может ошибся и ночью вернулись местные жители?

– Никак нет! Ошибиться не мог. Да и местных там, откуда так много, всего десяток дворов наберётся. На отшибе село стоит, вдали от основных дорог и конный разъезд не мог просто так кануть в небытие. Словно сквозь землю провалился.

– Конный разъезд... – я продолжал лихорадочно соображать. Потеря конного разъезда не великая утрата, но если их захватили в плен, и они заговорили... – они знали о подготовке?

– Не могу знать. Я как вы приказали строго настрого запретил офицерам говорить о предстоящей операции, но это ж гвардейцы, с немалым боевым опытом. Видели, что идёт подготовка и...

– Я понял, – прервал неуверенные оправдания офицера. На него было больно смотреть. За какие-то несколько минут лицо его осунулось, сам ссутулился и лицо побледнело настолько, что испугался, как бы не случился сердечный приступ. – Успокойся, присядь. Сейчас что-нибудь придумаем, – протянул офицеру стакан воды, а сам лихорадочно соображал, ища выход из затруднительной ситуации. Если Дуговатовку действительно взяли, то весь план надо переделывать, как минимум сдвигать сроки и начинать атаку раньше, пока враг не закрепился на рубеже. Но северная группировка ещё не в полной мере обеспечена и не готова к выступлению. Резерв находится на марше и не прибыл к точке базирования...

– Господин Представитель, курьер ожидает дальнейших указаний, – напомнил вошедший адъютант.

Я перевёл взгляд на бледного лейб-капитана, потом на адъютанта и тут у меня родилась мысль. Если не можем, не привлекая внимания узнать, сколько и с какой целью находится в интересующем селе солдат, то надо заставить противника самому принять меры оставить важный стратегический пункт.

– Пусть ожидает, – ответил, а сам уселся за письменный стол.

– Вы совершенно правы, господин штабс-полковник, – через несколько минут моей писанины заговорил лейб-капитан.

– Вы о чём? – не понял я, заканчивая составлять письмо на официальном, с Имперскими вензелями, листе бумаги.

– Я поставил под угрозу контрнаступление, нарушил приказ и... достоин наказания, – говоря это лейб-капитан встал, одёрнул мундир и принял стойку: «смирно», – готов предстать перед военным трибуналом.

– Успеете... свободны, – ответил, выдержав долгую паузу. Я по-новому взглянул на офицера. Горяч, но признаёт ошибки, хотя в том, что произошло или возможно произойдёт нет его вины. Случайность, стечение обстоятельств. Тем более толком не знаем всех обстоятельств дела: жив ли конный разъезд, в селе враг или кто из гражданских... Вопросов больше, чем пока ответов на них. И приходится перестраховываться. Вызвал адъютанта с просьбой пригласить курьера.

– А как же докладная командующему? – неуверенно, стоя в дверях, спросил Версант Дудикс.

– Это не докладная, – только успел ответить, как в помещение вошёл курьер. Молодой парень, лет двадцати. Наверно ещё ни разу не брился. Я посмотрел на него, перевёл взгляд на лейб-капитана. Тот продолжал в нерешительности стоять в дверях.

Предстоял тяжёлый выбор. Отправить почти на верную смерть этого молодого курьера или поручить исполнить мою задумку лейб-капитану. С уверенностью предположил, отдай приказ лейб-капитану лично исполнить приказ, тот бы не задумываясь принял его исполнять, но я медлил, ожидая хоть какого-нибудь знака.

Лейб-капитан и курьер стояли в дверях. Пауза затягивалась. Я уже набрал в лёгкие воздух вновь приказать лейб-капитану оставить нас, как тот сделал пару шагов ко мне, вытянулся по струнке и отрапортовал:

– Господин штабс-полковник, благодарю. Разрешите идти выполнять приказание?

Я перевёл взгляд на ничего не понимающего курьера и ответил:

– Отставить! Фельдъегерь, подождите несколько минут.

Молоденький курьер, не достигший ещё звания офицера, вышел, закрыв за собой дверь.

– Лейб-капитан, вашим людям есть особое поручение, – говорил, держа в руках запечатанный конверт, – в гвардии остались ловкие, быстрые и смелые солдаты, способные пожертвовать собой ради победы Империи? – говорил с налётом пафоса, но другого тона для обращения не нашёл.

– Так точно! Я лично готов выполнить любой приказ.

– Не сомневаюсь. Но я не готов терять командира дивизии перед началом наступления. Выбери самого стойкого и смелого гвардейца с высокими моральными качествами, что не пожалеет жизни... – я остановился, не зная, понял ли меня офицер, когда говорил про морально-волевые качества, но продолжил, – такого, что даже под пытками будет говорить то, что я скажу. Есть такие?

– Есть, господин штабс-полковник и не один.

– Нужен один, но... по комплекции схожий с фельдъегерем. Видел его?

Лейб-капитан кивнул, видимо догадался, что хочу проверить.

– Адъютант! Приготовь смену одежды фельдъегерю и прикажи ему разоблачаться...

– Как тебя зовут, гвардеец? – передо мной стоял молодой, чуть старше меня солдат. Его длинные рыжие усы так сильно контрастировали с почти наголо бритой головой, что невольно вызвало улыбку.

– Лейб-сержант Её Величества третьей роты первого полка четвёртой гвардейской дивизии Хромстин, господин офицер!

Гвардеец успел переодеться и предстал передо мной в форме фельдъегеря. Он немного тушевался, изредка одёргивая полы мундира, но волнение объяснимо.

Инструктаж затянулся. Я объяснял гвардейцу его задачу в деталях. Куда скакать, в какую сторону пытаться уходить от погони, как себя вести, что говорить, когда показать свой норов,

а когда выложить придуманную мной легенду. Присутствующий при этом лейб-капитан стоял молча.

– Всё, фельдъегерь, – закончил монолог, – вопросы есть?

Неожиданно для меня он покосился на лейб-капитана, но продолжал молчать.

– Говори, какие проблемы, не стесняйся.

– Проблем нет, господин офицер, – бодро начал гвардеец, – я лейб-капитану оставил адрес, куда сообщить, если что. Может какая помощь ещё... не помешала бы, – уже тише добавил Хромсин.

– Обещаю, что твоих родных не бросим на произвол судьбы. Лично прослежу, – ответил, а гвардеец просиял и бодро отдав честь, осведомился:

– Разрешите выполнять?!

– Выполняй. Выезжаешь на заре, – я протянул ему запечатанный конверт.

Остался наедине с лейб-капитаном.

– Уверен в гвардейце, не подведёт? – осведомился, зная ответ. На душе было что-то непонятное, непривычное. Впервые за свой недолгий век отправлял если не на верную смерть, то на муки человека. Ладно бы сам. Было бы легче, но другого...

– Не подведёт, – быстро ответил лейб-капитан, а немного подумав, спросил, – вы, господин штабс-полковник, так подробно описывали, что делают сенарцы с пленными. О допросах разного уровня...

– Я был у них в плену, но мне удалось бежать.

Изначально я не хотел говорить гвардейцу о тех тяготах и испытаниях, которые его возможно ждут, но видя его уверенный, самоотверженный взгляд рассказал всё, что знал сам о плене, о тех испытаниях, которые ему предстоит вынести. Тем более, сразу рассказывать заготовленную легенду выглядело бы подозрительно. А так, ну, сдался под пытками, с кем не бывает. И тогда написанный в запечатанном конверте текст сложится в единую картину. Главное, чтобы ему поверили и сразу передали перехваченное донесение если не в штаб армии, то как минимум дивизии и лучше тому командиру, что в состоянии самостоятельно принимать решения. Но это уже ни от меня, ни от гвардейца не зависело. Оставалось только ждать.

Дни пролетали незаметно в решении многочисленных проблем. Я выбивался из сил, разъезжая по частям, контролируя ход подготовки к наступлению. Иногда забывал и пообедать, но бдительный адъютант заставлял меня на непродолжительное время откладывать дела, не давая брэнному телу совсем потерять силы.

Вечером, перед самым началом первой фазы контрнаступления, я вновь прибыл на южное направление. Оно меня беспокоило больше, чем северное, так как слишком много условностей и неучётных допущений вскрылось в ходе подготовки.

Меня встретил лейб-капитан Дудикс с остальными командирами дивизий. Предстояло принять последний перед выступлением доклад и своей волей взять на себя ответственность о начале наступления, отдав соответствующий приказ.

– Господин штабс-полковник, докладываю. Фельдъегерь не прибыл в конечную точку, – сразу с главной новости начал доклад офицер, – немедленно организовали поисковую группу, но розыск результата не дал. Вчера ночью организовали вылазку в Дуговатовку. Противник её покинул.

– Точно? – от сердца отлегло. Значит сработал план, и противник отвёл войска с формально не важной с тактической точки зрения позиции.

– Проверили неоднократно. Посылал две разных группы, из местных.

– Понятно. Всё готово?

– Так точно! – дружно, но тихо ответили офицеры.

– Тогда слушайте мой приказ. Как стемнеет занять Дуговатовку, а дальше согласно плану. Обо всех непредвиденных происшествиях докладывать немедленно. Особенно это вас каса-

ется, господин лейб-капитан, – зная горячность и безрассудство, выделил из присутствующих командира гвардии, – и передайте гонцам, чтоб не жалели коней. Я должен знать всё, что происходит из не предусмотренного в плане как можно быстрее!

Козырнув, офицеры удалились, а я остался один. В последние дни перед контрнаступлением в воздухе витала напряжённость. Эти две недели погода стояла не по сезону ясная и тёплая. Дороги просохли, и я боялся, что противник опередит нас, начав летнюю кампанию, не дожидаясь подхода подкреплений, а что подкрепления на подходе мне на днях доложил начальник особого отдела. Он раз в трое суток присылал мне сведения, которыми располагал штаб армии, и концентрация войск противника всего в двух сутках пути западнее Кенасовки меня настораживало.

Я склонился над картой, пытаюсь понять, почему враг концентрирует войска в относительном своём тылу, а не выдвигает их ближе к линии фронта, но общая картина выглядела обыденно. Версию, что выдвинул в своей пояснительной записке начальник штаба я обдумал со всех сторон и возможно бы согласился, что идёт рядовая смена долго воюющих частей на свежие, полнокровные, но один момент в этой версии мне не нравился. Ни в одном докладе я не увидел, что обратно в тыл уходят боевые части. Что идут обозы с ранеными и больными докладывалось неоднократно, но идущих на марше частей замечено не было.

Откинул карандаш, прошёлся по кабинету. Примерно в это время передовые части южной группировки скрытно выдвинулись к Дуговатовке. А я уже сгорал от нетерпения, не зная, что происходит на подступах к отправной точке моего плана. Встретили врага или прошли беспрепятственно, вступили в бой и необходимо срочно отправлять к ним подкрепление, или всё-таки лазутчики не ошиблись и сенарцы покинули село.

– Адъютант, пригласи ко мне курьера из второй резервной дивизии, – распорядился, продолжая нервно прохаживаться по кабинету.

Ожидание выматывало. И самое неприятное, что, не зная фактической ситуации я ничем идущим в атаку не мог помочь. В моих силах только ускорить выполнение приказа, когда минуется время на вызов курьера.

– Курьер второй дивизии, штабс-лейтенант Угорикс, господин штабс-полковник, – представившись, вошёл офицер.

– Прибыл курьер четвёртой дивизии, – тут же доложил адъютант.

– Проси!

– Господин штабс-полковник, Дуговатовка без потерь занята нашими войсками, – доложил запыхавшийся курьер.

Я удовлетворённо кивнул. Первая фаза прошла успешно.

Глава 6

Не стал дожидаться рассвета, а с небольшим эскортом, в основном состоящих из приданных мне посыльных, выдвинулся на северный участок атаки. Расстояние преодолели меньше чем за час и успели к началу операции.

Приближаясь к позициям был приятно удивлён тишиной. Не было ни праздно шатающихся, ни предрассветной суматохи. Присмотрелся и понял, что всё готово к началу наступления. Как только забрезжили первые лучи местного светила, не дожидаясь моего приказа, дивизии пришли в движение. Солдаты вышли из укрытий, выстроились в боевое построение и пошли в атаку. Первые несколько минут шли в тишине. Я уже надеялся, что разделяющее расстояние до позиций противника преодолеем скрытно, нас не заметят. Но сначала послышались первые одиночные выстрелы, затем со стороны неприятеля прозвучали слаженные залпы.

Я смотрел, как сохраняя боевой строй под шквальным огнём, солдаты идут вперёд и содрогнулся, представив, если установить всего два пулемёта на флангах, то и десятка шагов не пройдёт эти плотные шеренги.

Прибыл посыльный:

– Дивизии пошли в наступление, но встречены плотным огнём неприятеля, – услышал доклад.

– Вижу, – ответил, понимая, что атака может захлебнуться. – Передай приказ командиру шестой дивизии, пусть своими силами правее обойдёт позиции противника и ударит во фланг.

– Слушаюсь, – ответил посыльный и усакал.

Я расположился на небольшой возвышенности и мог почти полностью охватывать картину боя. Она меня не радовала. Слишком большие потери и это мы ещё не достигли позиций неприятеля. Всмотрелся, заметил, как часть атакующих войск перестраивается – посыльный передал мой приказ.

Поле боя заволкло дымом пороховых газов. Уже практически ничего не было видно. Плотное облако окутало пространство, на котором шёл бой. С нашей стороны в атаке принимали участие три дивизии, со стороны неприятеля по некоторым данным в обороне стояли две дивизии. Силы можно сказать в нашу пользу, но у атакующих всегда потери выше, чем у обороняющихся. И это ещё не изобрели, не знаю почему, пушки с зарядами картечи. Я задавался этим вопросом и находил только одно объяснение. Металлургия была на зачаточном уровне. Изготовить ствол мушкета смогли, но любое увеличение калибра приводило к разрыву ствола. Может качество металла было ниже требуемого, может технология изготовления хромала. Но факт оставался фактом – убийственного, практически в упор пушечного залпа картечью я не опасался.

– Господин штабс-полковник, ваше приказание выполнено, шестая дивизия пошла в обход, – доложил посыльный.

– Что там конкретно происходит, как далеко продвинулись, какое сопротивление оказывает противник? – из-за витающего над полем боя дыма я ничего не видел, а ещё по земле стелился предрассветный туман.

– Сопротивление слабее, но труднопреодолимый участок. Разлился мелкий ручей и...

– Понятно. Сколько необходимо времени для достижения позиций?

– Не менее часа, – тут же ответил посыльный.

Была мысль ввести резерв и слева обойти позиции неприятеля, но не стал. Слишком рано. А-то сейчас потреплют и основные дивизии, и резерв, а, если вдруг придётся усилить натиск на одном из направлений, то больше никаких войск в моём распоряжении не будет.

«Что-то с юга никто не прибывает, может послать посыльного узнать, что у них там?» – думал, продолжая скорее вслушиваться в картину боя.

Вторая фаза: преодоление сопротивления первой линии обороны заходила в тупик, а предстоял ещё марш по направлению к Кенасовке.

Я осмотрел окружавших меня солдат и офицеров. Набиралось человек сорок. И откуда столько остались в тылу, не понимал. Я прибыл всего-то с десятком посыльных-вестовых.

– Слушай мою команду! – поднялся на стременах, – оружие на гало! – прозвучал шелест вынимаемых из ножен боевых рапир и палашей. – Галопом, за мной, в атаку!!!

С места бросил своего коня вскачь, забирая влево от основного театра сражений. Я надеялся обогнуть открытое пространство нейтральной территории и ударить с левого фланга, где концентрация наших войск оказалась недостаточной, и преодолеть сопротивление противника яростным наскоком. Мой расчёт строился на том, что в дыме боя противник не сразу поймёт численность пустившейся в атаку конницы, а громкое дыхание, ржание и топот коней сформируют необходимый эффект и создадут впечатление грозной силы, ударившей с фланга. И противник дрогнул.

Сначала на фланге, куда я стремился стала замолкать стрельба. Потом организованные, по номерам залпы в центре превратились в беспорядочные, одиночные, а когда я со своим небольшим отрядом достиг позиций неприятеля, то и совсем смолкли.

– Где пеший строй??? Занять позиции!!! – разгорячённый отдавал приказы.

Прибыл вестовой с правого фланга с докладом. И как только отыскал меня?!

– Позиции заняты, враг отступает!

– За ним! Охранному полку занять оборону! – отдавал приказы. Предстояло не только захватить рубеж, но и удержать его. Примерная протяжённость линии соприкосновения с противником составляла тридцать километров и если учесть, что это в обе стороны, так как наш контрудар разрезал оборону противника, запирая в окружении войска в крупном населённом пункте, то ожидать прорыва следовало с двух сторон, что со стороны окружённых, что и основных сил противника, и насыщать оборону приходилось основательно.

– Вперёд, ребятки!!! Потом отдохнём, – подбадривал проходящих мимо усталых солдат. Они целеустремлённо шли вперёд, преследуя неприятеля, заставляя того оказаться в ловушке.

Вызвал посыльного.

– Скачи в штаб армии, доложи о взятии первого рубежа. Основные силы северной группировки преследуют врага по пятам. Он отступает, как и предполагали в Кенасовку. Пусть выдвигаются на позиции и держат центральный участок.

Вестовой ускакал, а я осмотрелся, ища глазами своего адъютанта.

– Господин штабс-полковник, кого-то ищите? – обратился один из вестовых, видимо старший по званию из находящихся поблизости.

– Адъютанта своего ищу. Лейтенанта Красса.

– Во время атаки скакал впереди меня, но потом... я разужнаю. Может с лошастью что, вот и отстал.

За время, прошедшее после моей безрассудной атаки можно пешком три раза обойти всё поле боя, да и я сомневался, что без приказа он вряд ли оставит меня. Помнил, что он скакал рядом со мной, иногда вырываясь вперёд, но потом, в пылу скоротечного боя он как-то выпал из поля зрения и вспомнил о нём я только сейчас, когда выдалась более-менее спокойная минутка.

– Господин штабс-полковник, – обратился прибывший посыльный.

– Короче, докладывай, – перебил официоз. Настроение у меня враз испортилось. Мучали нехорошие предчувствия.

– Лейб-капитан Дудикс докладывает, что сломали сопротивление врага и дивизии продвигаются по направлению западнее Кенасовки.

Я удовлетворённо кивнул, приняв доклад. План вступил в третью фазу – окружение и замыкание кольца вокруг Кенасовки. На это отводилось время до сегодняшнего вечера, и я надеялся, что скорое продвижение не застынет в самый неподходящий момент.

– Господин штабс-полковник, – обратился тот вестовой, что обещал разыскать моего адъютанта.

– Слушаю, где лейтенант Красс? Лошадь никак не может поменять или ранен?

– Убит, господин штабс-полковник. Не сразу его отыскали. Лошадью привалило. Думали, что всадник уцелел, а как стали тщательно осматривать. Ели извлекли из-под коня. Весь полуман, словно кукла.

Я остановил коня. Повернул поводья... Хотел вернуться, отдать последние почести, но посмотрев на проходящих мимо солдат и офицеров подумал: «Сколько ещё таких как этот лейтенант погибнет в этой войне? Сколько останется безымянных героев, отдавших жизнь, защищая свою родину?..».

– Похоронили? – спросил, сглатывая подкатившийся к горлу ком.

– Похоронная команда осталась, они своё дело знают, не беспокойтесь...

Не встречая серьёзного сопротивления, мы продвигались вперёд, преследуя неприятеля. Ему удалось оторваться от авангарда, но впереди располагался только один населённый пункт, куда как я думал и спешили сенарцы, чтобы укрыться за его стенами и организовать оборону.

– Господин штабс-полковник, – догнал меня вестовой. Я с сопровождавшими меня посыльными ехал в ядре колонны, что пешим маршем шла по дороге.

– Докладывай, – прибыл гонец с южной стороны.

– Дивизии встретили серьёзное сопротивление, вступили в бой, – на одном дыхании выпалил посыльный.

– Где? – я восстанавливал в памяти карту, пытаюсь понять, где противник успел создать организованное сопротивление.

– Возле Сухопатовки.

– Понял, – быстро сообразил, где именно противнику удалось организовать сопротивление, – ты и ты, слушать мой приказ! – подозвал двоих гонцов.

– Конному резерву немедленно выдвинуться по направлению к Сухопатовке и прорвать оборону. Не дать отбросить наши войска назад! Ты, – указал на другого посыльного, – скачи в авангард и прикажи ускорить шаг.

Хотя я и не обладал полной картиной, но в сложившейся ситуации приказ выглядел обоснованным. Необходимо усилить завязшую в преодолении обороны противника группировку и одновременно ударить с противоположной стороны, чтобы сенарцы не смогли усилиться, перебросив части на угрожающий участок линии прорыва...

Время перевалило за полдень, а мы всё-ещё никак не добрались до Кенасовки. Я стал сомневаться, а не поторопился ли я, введя в бой свой единственный мобильный резерв. Тем более, предстояло обойти по дуге населённый пункт и сомкнуть кольцо, а мобильными частями это можно было сделать значительно быстрее, а вместо этого я отправил кавалеристов-гвардейцев прорывать оборону.

Слева показалась массивная оборонительная стена.

– Вот и Кенасовка, – выдохнул с облегчением. Из плана мы выбились примерно на три-четыре часа, но всего не предусмотришь. Возле стен формировались ряды из отступающих под стены сенарцев. Скакали туда-сюда конные воины, но ударной силы сенарцев – тяжёлой кавалерии я не заметил.

– Пятой дивизии выстроиться в боевой порядок на расстоянии пятисот конных шагов от врага, остальным продолжать движение и с запада соединиться с атакующими с юга, – отдал приказ особо ни к кому не обращаясь. Рядом со мной постоянно находился тот самый офицер в чине лейб-капитана, что сообщил о смерти моего адъютанта. Он и принял на себя обязанности

моего помощника. При необходимости дублируя приказ, отправляя посыльных за уточнёнными сведениями, а иногда и остужая излишне ретивых вестовых, рвущихся в бой.

Выглядевшее наспех собранным войско постепенно приобретало структуру, стали проглядываться черты организации и порядка.

– Что-то не нравится мне всё это, – пробормотал себе под нос, думая, что меня никто не услышит.

– Извините, не расслышал приказа, – отозвался лейб-капитан.

– Тебя как зовут, офицер? – представился случай познакомиться.

– Курьер по особым поручениям особой гвардейской кавалерийской дивизии лейб-капитан Савелкин, – бодро представился средних лет мужчина.

– Давно на службе? – спросил, продолжая оценивать обстановку.

– Давно. Второй десяток пошёл.

– Как думаешь, пойдут в контратаку или только пугают? – осведомился, надеясь получить свежий взгляд на обстановку.

– Несомненно. Им деваться-то некуда. Вот только не все вышли на позицию. Минимум ещё столько же должно быть, да и кавалерии не видно.

– То-то и оно. Где резерв, почему не подошёл? – оглядел выстраивающиеся в боевой порядок войска.

– В пути. Скоро будут. Я как подошли к городу, повторно отправил гонца, чтобы поторопили. Скоро должны прибыть.

– Хорошо. Что на юге? Есть сведения? Резерв туда ушёл?

– Так точно, убыл в боевом порядке. Но вестовой обратно пока не прибыл. Прикажете направить? – я оглядел находящиеся подле офицеров и солдат. Всего трое вестовых не задействованы, да и лошади были в мыле. Значит совсем недавно им пришлось проделывать такой путь, на что пешему понадобился почти весь световой день.

– Нет, пусть отдыхают. Сменные лошади есть?

– Всех уже задействовали. Больше смены нет, – с выдохом ответил Савелкин. Вот о чём я не позаботился, так о сменных лошадях для вестовых. Они-то, как? Поступил приказ и понеслись, не жалея коня его выполнять. И хорошо если в конечном пункте им предоставят свежую лошадь под замену, а если такой возможности не будет, то приходится на уже уставшей возвращаться назад, загоняя кобылу.

– Господин штабс-полковник, укажите место в боевом построении, – лично прибыл с докладом командир стоявшей в резерве девятой дивизии. Корить его за медлительность не стал. Видел, что солдаты шли на пределе своих сил. Ведь у тех, кто принимал участие в бою и часть боезапаса израсходована, и соответственно переносимый груз меньше. Конечно, бой – это не отдых, но в бешеной гонке вымотались все.

– Твоё место на флангах. Расположи два полка на левом фланге и два полка на правом, и чтоб все видели, что это свежие силы, только что подошедшие, особенно противник.

– Слушаюсь! – без лишних вопросов командир убыл...

Напряжение нарастало. Противник, видя, что подошли дополнительные силы вновь принялся перестраивать боевой порядок, а доклада о соединении южной и северной группировки я до сих пор не получил. Меня это настораживало, но ничего поделать не мог. Отправить вновь гонца узнать, что происходит на юге – потерять время. Проще дожидаться доклада от войск совершавших сейчас обходной манёвр с севера.

– Господин штабс-полковник, – обратился Савелкин, – наши поймали вражеского гонца. Хотел обходными путями выбраться из города, но его задержали.

– Где он? – весть о захвате языка вселила надежду. Зашевелились враги, подкрепление просят.

– Ранен. Доставить?

- Говорить может, кто захватил?
- Солдаты пятой дивизии, точно не знаю.
- Веди к нему.

В паре сотен метров располагался медицинский обоз. Доехали быстро.

– Куда? – спросил, приближаясь обозу. К нам присоединился какой-то младший офицер.
– Сюда. Вот он, перевязывают. Неудачно с лошади упал. Пришлось по ней палить, чтобы не ускакал, а то ретивый попался, прям на нас попёр, думал не устоим, побежим.

– Ты взял пленного? – обратил внимание на говорившего.

– Мы, – улыбаясь ответил лейтенант. – Мой взвод. Всеми пришлось поучаствовать. И как он из-за поворота на полном скаку выскочит...

– Потом, – прервал эмоциональную речь младшего офицера, – Савелкин, запиши данные тех, кто принимал участие в захвате, не забудем, наградим.

Я подошёл к потрёпанному, прижимавшему к груди сломанную руку, сенарцу. Тот был в форме кавалериста, но я не мог понять, к какому подразделению он относится. Кирасы на нём не было, но и отличительных знаков принадлежности к лёгкой кавалерии я тоже не заметил.

– Представься, – сразу заговорил на сенарском наречии. От неожиданности он неудачно дёрнулся и от пронзившей его боли поморщился, – сиди. Не вставай. Кто ты, звание, должность, из какой части? С каким заданием покинул город?

Сенарец хотел было всё-таки встать, но предусмотрительный Савелкин жестом указал ему сидеть.

– Я – адъютант штабной роты штабс-лейтенант Чүверс. Получил приказ начальника штаба незаметно выбраться за стены и добраться до штаба второй армии с донесением.

– Что за донесение? Отвечай! Всё равно, чуть раньше или позже узнаем, но от тебя зависит, останутся у тебя пальцы или нет, – говорил спокойно, словно каждый день угрожал расправой беззащитным пленным.

– Командующий докладывал о прорыве участка и требовал подкрепления, – выпалил сенарец. Он побледнел и сначала говорил очень быстро, но потом стал заикаться.

– Господин штабс-полковник! – донёсся возглас подъехавшего вестового.

– Что у тебя?

– Сенарцы возвращаются за стены!

Оставив пленного, я смотрел как сенарцы возвращаются за стены. Паники не было, но они уходили, покидая позиции. Прибыл посыльный:

– Дивизии преодолели сопротивление и соединились! – без обращения, доложил посыльный. Теперь предстояла четвёртая фаза плана – удержать кольцо окружения.

Глава 7

– Доклад! – прибыл в расположение штаба четвёртой дивизии под командованием лейб-капитана Дудикса. Утром следующего дня враг на обороняемом ими рубеже предпринял ожесточённое контрнаступление, пытаясь прорвать линию окружения. С тактической точки зрения я не находил объяснения таким действиям. Логичней ударить по кратчайшему направлению. Ведь там всего семь километров составляла ширина занятой нами территории, а на этом глубина обороны составляла почти двадцать километров и прикрывала подступы южнее Кенасовки. Соглашусь, на самом опасном участке насытил оборону по максимуму, но практичнее преодолеть сопротивление на узком отрезке, чем пробивать брешь, а потом разворачивать войска, меняя направление.

– С рассвета противник силами одной дивизии предпринял две попытки атаки, – начал доклад лейб-капитан, – первую опрокинули быстро, заставив отступить, но вторая атака началась одновременно с попыткой вырваться из кольца находящихся в Кенасовке войск.

– Подробнее, – внимательно слушал, пытаясь понять план командующего сенарцев. Что начали атаку с двух сторон, похвально. Сам бы так поступил в таком положении, но почему не ударили сразу одновременно и почему не на том участке, где теоретически легче прорвать окружение?

– Пеший строй сенарцев выстроился в боевой порядок и с рассветом пошёл в атаку, мы ждали, так что встречным огнём заставили отступить. Затем, примерно через два часа мне доложили, что со стороны города выдвинулся примерно батальон и движется в нашем направлении. Одновременно началась повторная атака.

– Всего лишь батальон? А конница? – удивился, что противник пока так и не использует свою козырную карту – тяжёлую кавалерию. Ведь чем дольше ждёшь, тем возрастает опасность встретить организованный отпор. Чем хороша конница – своей мобильностью. В прошлогодней кампании именно тяжёлая кавалерия решала стратегические задачи. Словно нож пробивала брешь в обороне, куда устремлялся пеший строй. Именно так действовал враг, но сейчас почему-то он бережёт кавалерию. Хотя от пленного доподлинно известно, что в городе расквартирован полк кирасир – цвет армии сенарцев и его ударная сила.

– Конницы не было. Только пеший строй. Он вышел из-за стен и, выстроившись в боевой порядок, сразу пошёл на прорыв на нашем направлении. Ему ударили с флангов, и атака захлебнулась.

– Глупо, – пробормотал себе под нос.

– Не разобрал, господин штабс-полковник.

– Ладно, я пришлю тебе для усиления полк кавалерии.

– Господин штабс-полковник!!! – вбежал в штабную палатку занявший место адъютанта лейб-капитан Сувелкин. Мне его и уговаривать не пришлось остаться при мне, а вот с его непосредственным командиром пришлось поговорить на повышенных тонах. Видите-ли не хотел отпускать бравого и опытного гвардейца куда-то в штаб армии. Пришлось ему объяснить, что я не штабной, а что ни на есть боевой офицер. Практически всё время нахожусь на передовой.

– Что случилось?

– Прибыл вестовой. Противник пошёл в атаку в центре обороны.

– Началось, – проговорил, быстрым шагом выходя из палатки.

Обычно боевые действия начинаются с утра и продолжаются до темноты, если раньше ни одна из сторон не дрогнет и не побежит, а сейчас время ближе к вечеру и только сейчас противник начал теперь уж точно главную попытку прорыва. То, что было утром – отвлекающий манёвр, чтобы сбить нас с толку. Хорошо, что лично прибыл разобраться с ситуацией,

а не отмахнувшись, отправил подкрепление. Кавалерийского полка лейб-капитану хватит для сдерживания противника, а остальные резервы мне возможно понадобятся. И я не ошибся.

Прибыл в наспех организованный штаб объединённой северной и южной группировки. Шатёр-палатка была полна офицеров.

– Господин штабс-полковник, докладываю, – вызвался один из офицеров в чине штабс-капитана, – примерно час назад западнее Кенасовки в центре нашей обороны противник перешёл в наступление численностью до двух дивизий пешего строя.

– Где конкретно? – подошёл к разложенной карте. Меня интересовало, где он на таком малом участке смог разместить столько войск. А ещё интересовало, откуда он их так быстро перебросил. Ведь не прошло и суток, как взяли в кольцо группировку противника, а уже последовала реакция и серьёзная. Я планировал, что только дня через три, может четыре сенарцы сконцентрируют достаточное количество войск чтобы пойти в наступление, но ошибся и я искал ответ, почему не увидел, не предусмотрел этот вариант развития событий. Резерв у меня имелся, но его может и не хватить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.